
Как бельмо у города на глазу
старый дом стоит на юру.
Я воды из колонки домой принесу,
будет мама купать сестру.

Я большой совсем в сапогах отца,
на затылок ушанка сползла.
А собака соседская из-за угла
и рычит, и бросается.

Плачь — не плачь — иди за водой давай.
Нет к колонке другого пути.
Мама станет ругаться: ты где ходил? —
Хоть за смертью тебя посылай.

А собака лохмата была и зла,
но куда-то пропала потом.
Я за смертью ходил, я глядел ей в глаза,
мальчик-с-пальчик с пустым ведром.

Край родной — ломоть отрезанный,
ставший горла поперёк.
Будет мама в день отъезда
подносить к глазам платок.

Мне останется лишь средство
связи с тем, к чему привык:
утварь кухонная, книг
стопка — вот и всё наследство.

Комната стоит без мебели —
Жили-были — словно не были.

Намечает южный ветер
снега в аэропорту.
Серебристый ангел смерти
набирает высоту.

На прощание соврѣшь: там
с вами встретимся потом —
и идѣшь по хлебным крошкам
в занесѣнный снегом дом.

В гостинице «Центральной», на третьем этаже,
уже порядком пьяный, с досадой на душе,
поэт Вадим Корнеев, что искренность любил
в стихах, мне про евреев и русских говорил —

и дым тянулся плоский болгарских сигарет.
Он говорил, что Бродский — посредственный поэт.
Он говорил, искусно при этом матерясь,
что мы с культурой русской утрачиваем связь;

и, по столу вдруг стукнув могучею рукой,
гремел как репродуктор, а за его спиной
две вырастали тени архангелов-певцов:
соломенный Есенин, берёзовый Рубцов.

И мы сидели, словно Давид и Голиаф.
И знал я, безусловно, что он, сильнейший, прав.
От тёплой водки с перцем стоял в буфете гам,
а в голове вертелся извечный Мандельштам.

Я проснусь оттого, что мне ночью звонят,
в трубку хрюкают, воют, мячуют, рычат.

— Заходи как-нибудь, — говорят мне, — в лото
да в картишки сыграешь с нами,
коньяку дорогого попили б, а то
что ты маешься целыми днями.

— Заходи, — говорят, — мы накрыли на стол,
зеркала занавесили, вымыли пол,
перемыли тебе все кости:
ждём тебя, дорогого гостя.

— Обязательно, — я отвечаю, — зайду.
Может — в следующем, может — в этом году.

А потом с боку на бок всю ночь напролёт
я кручусь: жизнь верёвочку вьёт.

В ПАРКЕ ИМ. ПЕРВОГО МАЯ

Небес на сумеречном фоне —
как будто много лет назад —
закрытые аттракционы
печально на ветру скрипят.
Февральский зажигает вечер
сырой фонарь над головой.
Снежинки кружатся навстречу —
и я один иду домой
вдоль облупившихся фасадов,
в ночную темень вперив взор,
а за чугуною оградой
белеет Знаменский собор.
Выходят люди из собора,
где раньше был кинотеатр
«Октябрь». Когда умолкнут хоры
и ангелы уснут, хотя б
на час побыть опять ребёнком
и вместе со своим отцом
прийти сюда смотреть «Кинг-Конга»...
...Вот оборвалась киноплёнка,
а мы ещё чего-то ждём.

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Пустая тара, пачка сигарет
на подоконнике. Окно во двор детсада.
Вот Ходасевич — да, а Слуцкий — нет,
не интересен никому. Досадно.

Читали наизусть, поддав слегка.
Вот Слуцкий — нет, а вот Поплавский — кстати.
...А в небе плыли, плыли облака,
как лошади, рыжея на закате.

А то купили б сладкого вина,
позвали бы девчонок, всё такое...
Бог с ней, с поэзией. Но если б не она,
когда ещё так собрались бы трое?